



## ТАКТИЧЕСКІЕ ПРИМѢРЫ ИЗЪ ПРОШЛАГО И ВЫВОДЫ.

(Часть 3-я, книга 2-я, глава 1-я).

(Окончаніе <sup>1)</sup>).

Стратегическій методъ Наполеона уже въ 1809 г. носитъ на себѣ отпечатокъ впаденія въ одностороннюю манеру, слѣды которой мы въ увеличенномъ размѣрѣ находимъ въ 1812 г. и которая въ 1813 и 1815 годахъ поставила его на порогъ гибели, между тѣмъ какъ въ 1814 году онъ временами поднимается на прежнюю высоту своего генія. Въ одной лишь тактикѣ онъ до конца остается безспорнымъ мастеромъ, какъ постоянно измѣняющій обликъ и средства, въ зависимости отъ потребностей минуты, Протей. Но эти средства становятся все менѣе дѣйствительными, по мѣрѣ того, какъ своей усиливающейся все болѣе односторонней привязанностью къ дѣйствіямъ по внутреннимъ линіямъ, онъ самъ ухудшаетъ свои стратегическія положенія, между тѣмъ какъ у его враговъ постепенно вырабатывается операціонный методъ, которымъ они все успѣшнѣе съ нимъ борются. Ввиду всего вышесказаннаго создателемъ послѣдняго слѣдуетъ считать Эрцгерцога Карла.

Однако, сдѣлаемъ еще нѣкоторыя общія замѣчанія о дѣйствіи оружія тогдашняго времени. Матеріаль для нихъ мы найдемъ во всѣхъ уже приведенныхъ примѣрахъ, представляющихъ всѣ слу-

<sup>1)</sup> См. «Военный Сборникъ» 1908 г. № 8.

чан Наполеоновскаго управленія; Аспернъ и Ваграмъ даютъ тому лишь особенно характерныя пробы.

Наполеонъ лишился своего лучшаго маршала, единственнаго обладавшаго способностями къ самостоятельнымъ дѣйствіямъ— побѣдителя при Туделѣ и укротителя Сарагоссы-Ланна, пораженнаго ядромъ при Аспернѣ въ то время, когда послѣднія силы очищали лѣвый берегъ Дуная. Положеніе, охватъ съ двухъ сторонъ, принуждаетъ къ чисто пассивной оборонѣ, и трагическая судьба весьма характерно постигаетъ выдающагося начальника, сидящаго среди полного бездѣйствія на срубленномъ стволѣ дерева и отдыхающаго отъ безчисленныхъ трудовъ двухдневнаго сраженія, въ которомъ онъ потерялъ уже всѣхъ офицеровъ своего штаба, за исключеніемъ одного молоденькаго офицера-ординарца. Въ такомъ положеніи дѣлать больше было нечего. Каждый выстрѣлъ съ близкихъ дистанцій попадалъ въ представлявшуюся центральной цѣль, и только отсутствіе атаки со стороны противника спасло измученный аррьергардъ до наступленія ночи, въ теченіе которой можно было очистить берегъ, снять мостъ. Разказчикъ объясняетъ себѣ непонятную саму по себѣ осторожность противника исключительно тѣмъ, что послѣдній увидѣлъ медвѣжьи шапки старой гвардіи, готовой къ бою. Какое большое значеніе современникъ и соучастникъ въ бояхъ придаетъ одному виду этой побѣдоносной пѣхоты, явствуетъ уже изъ его описанія сраженія при Дрезденѣ. Онъ разказываетъ, будто въ этомъ случаѣ появленіе этихъ косматыхъ шапокъ въ однихъ воротахъ подѣйствовало подобно головѣ Медузы. Выводы изъ такихъ фактовъ мы изложимъ въ нѣсколькихъ фразахъ.

Охватъ съ двухъ сторонъ— правда на сокращенномъ по сравненію съ послѣднимъ разстояніемъ—уже тогда ставитъ охваченнаго въ совершенно безнадежное положеніе. Достаточно приложить къ разбѣрамъ охватываемаго пространства масштабъ увеличившейся дальноты современного оружія, чтобы установить полную несостоятельность подобныхъ центральныхъ положеній въ настоящее время.

Что-же касается избраннаго войска, соединяющаго въ себѣ квинтэссенцію воинскаго духа, всю храбрость и любовь къ войнѣ арміи и которое имѣетъ особое обмундированіе, дабы его было лучше видно издали, то такая мѣра въ настоящее время относится

къ самымъ нецѣлесообразнымъ, которыя человѣческій умъ могъ-бы придумать для потребностей современнаго боя. Такая «старая гвардія» стала-бы мишенью для сосредоточеннаго огня со всего поля сраженія, причемъ она была-бы уничтожена ранѣе, чѣмъ успѣла-бы даже вступить въ бой. А это лишило-бы армію ея драгоценнѣйшаго ядра. Избранныя войска, въ которыхъ нарочно сосредоточиваютъ лучший воинскій матеріалъ, нравственно обезцѣнивая тѣмъ все остальное, столь-же мало подходятъ современнымъ вооруженнымъ народамъ, какъ и способу веденія боя и дѣйствію оружія, которому они подвержены. Въ началѣ-же нашего столѣтія, наоборотъ, старая гвардія Наполеона принадлежала къ тѣмъ нравственнымъ величинамъ, которыя доставляли ему побѣду, усиливали впечатлѣніе личнаго его вмѣшательства въ ходъ сраженія и въ концѣ концовъ, вслѣдствіе преувеличенія значенія ихъ, привели его къ паденію. Въ Бородинскомъ бою это войско казалось слишкомъ драгоценнымъ, чтобы употребить его въ дѣло вдали отъ родины, а при Ватерлоо оно превратилось въ «пушечное мясо», которое едва-ли замедлило наступленіе конца на нѣсколько минутъ. Итакъ, нашему нынѣшнему ученію о войнѣ приходится отвернуться и отъ этого примѣра, сколь онъ ни вызываетъ нашего восхищенія въ прошломъ. Теперь особенно слѣдуетъ избѣгать всякихъ маскарадовъ, выдѣляющихъ опредѣленные части какъ *особенно* цѣнныя.

Весьма своеобразное явленіе представляетъ, далѣе, нашему ученію постоянное и непосредственное взаимодействіе пѣхоты и конницы въ сраженіяхъ и бояхъ Наполеоновскаго времени. Въ старину это взаимодействіе называли тактикой соединенныхъ родовъ оружія». Мы надолго, несмотря на наши большія войны, унаслѣдовали его, проводили принципъ его въ нашихъ маневрахъ и руководствахъ по тактикѣ, и, можетъ быть, оно еще не совсѣмъ исчезло изъ современной практики, хотя при современномъ оружіи оно стало почти совсѣмъ непримѣнимымъ на дѣлѣ. Только ничтожнымъ дѣйствіемъ тогдашняго оружія можно объяснить, что въ тѣ величаво-воинственныя времена оно сдѣлалось правиломъ. Въ нихъ мы видимъ, какъ, въ зависимости отъ готовности или вкуса, то кавалерія атакуетъ первой, а пѣхота пользуется ея успѣхомъ для штурма, то происходитъ обратное, такъ что способъ дѣйствія можно почти назвать произвольнымъ. Кто раньше окажется подъ

рукой, тотъ и пускается въ дѣло впередъ, а другой пользуется представляющимися при этомъ обстоятельствами. Бой на Ваграмской равнинѣ изобилуетъ такими явленіями, и тотъ-же отпечатокъ, при постоянно измѣняющихся поводахъ, носятъ всѣ бои, будь то при Эйлау или Фридландѣ, въ Испаніи или Россіи и въ 1813 году въ Силезіи передъ Лейпцигскимъ сраженіемъ. Артилерія, естественно, также стоитъ на болѣе близкихъ позиціяхъ, чѣмъ мы теперь себѣ это представляемъ, и изъ всего этого создано совмѣстное дѣйствіе всѣхъ родовъ оружія, которое позже, въ ученіяхъ въ полѣ и въ уставахъ, получило поучительное выраженіе ввидѣ закона.

Рѣдкія стрѣлковыя цѣпи, за которыми непосредственно слѣдовали колонны въ разныхъ видахъ, составляли боевой строй, и чего первымъ не удавалось добиться огнемъ, того достигалъ ударъ. Можно, пожалуй, съ полнымъ правомъ сказать, что дѣйствіе холоднымъ оружіемъ въ то время все еще превосходило дѣйствіе огнемъ, больше даже, чѣмъ въ Фридриховскія времена, хотя и въ иномъ видѣ. Когда бой цѣликомъ происходилъ въ дождливый день, то конница пріобрѣтала безусловное господство, особенно когда она бывала вооружена *достигающими дальше тиками*. На эту тему можно было-бы привести весьма наглядныя описанія изъ Сентябрьскихъ дней 1813 года въ Силезіи и Саксоніи.

Наполеонъ выигралъ большинство своихъ сраженій сосредоточиваніемъ своихъ массъ на одномъ опредѣленномъ пунктѣ, предпочтительно въ центрѣ, причѣмъ это были тѣснѣйшія колонны, иногда цѣлыхъ дивизій, поставленныхъ непосредственно рядомъ и позади другъ друга, превосходя сомкнутостью даже наши резервныя построения. Дѣянія его, разумѣется, представляютъ и исключенія, которыя, однако, доказываютъ только, что онъ не былъ механикомъ, придерживавшимся строго установленнаго правила, а напротивъ пользовался выгодами минуты, какъ онъ именно представлялись. Измѣнить основную мысль его системы командованія они не могутъ. Мы встрѣчаемся съ ней вновь у Ваграма и Лейпцига и, наконецъ, въ послѣдній разъ при Ватерлоо. Нечего удивляться, что такое воззрѣніе на тактическое употребленіе массъ продержалось такъ долго и сохранилось даже до нашего времени. Событія той великой эпохи были слишкомъ подавляющими, чтобы въ теченіе мирныхъ временъ не наложить надолго еще своего

принудительнаго и связывающаго отпечатка на образъ дѣйствій и на воззрѣнія.

При этой-то вѣрно сохраненной въ уставахъ и практическихъ ученіяхъ рутинѣ появилось изобрѣтеніе нарѣзного оружія и наконецъ заражающагося съ казны, еще задолго до того, что настала возможность испытать его дѣйствіе на практикѣ, и въ общемъ введеніи къ 1-й части мы уже высказали, какъ къ нему отнеслась чисто теоретическая оцѣнка и, между прочимъ, утѣшилась крылатымъ словомъ: «Новое оружіе, старая тактика».

Уже послѣ нашихъ большихъ войнъ, а отчасти и среди нихъ (Главелоттъ-Сенъ-Прива) было замѣчено, что сомкнутые строи колоннъ представляли противнику слишкомъ компактныя цѣли и что приходится прибѣгать къ болѣе широкому примѣненію стрѣлковыхъ линій. Теорія, однако, долго еще не хотѣла измѣнить основныя правила тактики, и еще долго послѣ 1871 г. она ограничивалась тѣмъ, что измѣняла лишь размѣры старинной линейной тактики, не измѣняя ее по существу и забавлялась изобрѣтеніемъ тактическихъ усовершенствованій въ этомъ направленіи. Но всѣ они съ точки зрѣнія истиннаго и глубокаго военнаго опыта являлись неудовлетворительными, ибо они представляли цѣли на открытой мѣстности, какъ при Ваграмѣ, или Сенъ-Прива, которыя, до пріобрѣтенія огненнаго перевѣса, положительно не имѣли правъ на существованіе. Въ этомъ ежедневно можно было убѣдиться на любомъ стрѣльбищѣ, хотя справедливость требуетъ сказать, что на войнѣ стрѣляютъ далеко не такъ хорошо, какъ на немъ. Приверженность къ историческимъ преданіямъ и къ старымъ формамъ строя, въ которыхъ Наполеонъ одерживалъ побѣды и въ которыхъ наши отцы въ концѣ концовъ его и побѣдили, еще въ теченіе десятилѣтій задерживала развитіе тактической реформы. Она затемняла зарождающееся ученіе и создала страхъ передъ полнымъ разрывомъ съ прошлымъ. Она приковывала умы въ одномъ направленіи, которое никакъ не могло привести къ цѣли. Освободило насъ отъ этихъ оковъ лишь составленіе новаго пѣхотнаго устава, но, ввиду вышесказаннаго, нечего удивляться, что этотъ уставъ въ началѣ встрѣтилъ мало симпатій и, отчасти, встрѣчаетъ и теперь.

Отмѣтимъ здѣсь, только для примѣра, что еще 30 лѣтъ назадъ начальники продолжали выказывать особое предпочтеніе сосредоточенію своихъ резервовъ за серединой и почти пренебрегали уче-

ніемъ объ оборонительномъ, или наоборотъ наступательномъ флангѣ, или о фланговомъ прикрытіи всей боевой операціи. Фактъ понятный, ибо Наполеонъ почти всегда съ успѣхомъ поступалъ именно такъ, потому что его поля сраженій были меньше нынѣшнихъ, и положеніе за серединой лучшимъ образомъ уравнивало разстоянія для движенія на помощь въ любомъ направленіи. Къ тому-же угроза флангу была тогда гораздо менѣе опасна, чѣмъ при теперешнемъ вооруженіи. Тогда она производила разстройство лишь мѣстнаго характера, не достигая до самага сердца боя. Въ то время большое накопленіе массъ по Наполеоновскому рецепту приводило навѣрняка къ побѣдѣ, и, благодаря этому, воздѣйствіе на флангъ оказывалось, обыкновенно, запоздалымъ. Поэтому-то великому австрійскому Эрцгерцогу отнюдь нельзя поставить въ вину, что при Ваграмѣ своему крылу у Маркграфеннейзиделя онъ не придалъ болѣе сильнаго резерва. Онъ также былъ дитя своего времени и поступалъ согласно съ его тактическими воззрѣніями. Со стороны современнаго полководца подобное упущеніе было-бы трудно простимымъ грѣхомъ.

Самъ фельдмаршалъ Мольтке еще между обѣими своими большими войнами училъ, что боевые резервы вообще слѣдуетъ держать за серединой, если нѣтъ серьезныхъ поводовъ въ каждомъ данномъ случаѣ поступить иначе, потому что они оттуда располагаютъ кратчайшими путями въ любомъ направленіи. Но, при силѣ современнаго огня, середина фронта стала постоянно наиболѣе сильной частью его. Этотъ фактъ позволяетъ расширять протяженія фронта, а потребность къ этому, все увеличивающаяся съ возростаніемъ армій, дѣлаетъ угрозы флангу болѣе опасными и принуждаетъ держать сильные резервы на угрожаемой сторонѣ, что въ 1-й и 2-й частяхъ этого труда неоднократно было доказано, какъ въ тактическомъ, такъ и въ стратегическомъ отношеніи. Въ случаяхъ большихъ сраженій будущаго резервный корпусъ, даже находясь на разстояніи небольшого перехода отъ боевого фланга, все еще имѣетъ возможность использовать этотъ боковой интервалъ для перехода въ наступленіе. Если-бы 18-го августа 1870 года французская гвардія стояла именно въ такомъ мѣстѣ, вмѣсто середины, то сраженіе для Рейнской арміи въ этотъ по крайней мѣрѣ день не было бы проиграннымъ. Базенъ при этомъ поступалъ просто по великому примѣру изъ начала столѣтія, но вѣдь и въ

этомъ отношеніи надо было нѣсколько отъ него отойти. Такъ-то одинъ клинъ вышибаетъ другой въ переработкѣ ученія о тактикѣ.

Какъ мы уже упоминали выше, въ 1808 году вообще уже начинаютъ замѣчаться слѣды маніи величія у Цезаря, который на основаніи своихъ безпримѣрныхъ успѣховъ воображаетъ, что ему все дозволено для побѣдоноснаго проведенія самыхъ несуразныхъ предпріятіи. Ибо несуразно и противно всѣмъ правиламъ военнаго искусства пытаться перейти мощную рѣку по *одной* переправѣ, другая сторона которой находится подъ господствомъ равныхъ силъ, хотя герой сраженій на этотъ разъ и успѣлъ— правда, послѣ всевозможныхъ превратностей— успѣшно исполнить такую операцію. Утверждая это, мы придерживаемся ученія Клаузевица, дословно приведеннаго въ части 2. Такія, исполненныя вопреки всякимъ расчетамъ, военныя дѣянія позволительны только такому уму, который господствуетъ надъ своимъ временемъ, благодаря уваженію, уже приобрѣтенному. Подобныя-же слѣдствія часто можно вывести и изъ подвиговъ Фридриха. (Гохкирхъ-Бунцельвицъ). Но великаго короля, при случаѣ, къ подобнымъ нахальнымъ средствамъ принуждали прибѣгать только его отчаянныя положенія.

Но въ испанскихъ кампаніяхъ Наполеонъ, безъ такихъ оснований, самъ грѣшитъ противъ своихъ правилъ, что, между прочимъ, можетъ служить доказательствомъ также и того, насколько въ то время невозможно было руководить дѣйствіями на какомъ нибудь театрѣ войны издалека. Въ теченіе 1810 и 1811 г.г. онъ оставался въ Парижѣ, чтобы не нарушить мирнаго теченія своей молодой супружеской жизни и, тѣмъ не менѣе, не сдѣлалъ своихъ полководцевъ въ Испаніи и въ Португаліи независимыми отъ своей воли. Мемуары, которыми мы здѣсь пользуемся <sup>1)</sup>, между прочимъ и вскользь повѣствуютъ, что потребовалось 2 мѣсяца времени, чтобы рѣшительныя распоряженія его начальника штаба въ 1811 г. попали въ руки Массены и Сульта. Это уже болѣе похоже на турецкіе порядки, которые должны были привести къ гибели и далеко оставляетъ за собой пагубность системы воздѣйствія австрійскаго Гофкригсрата на образъ дѣйствій въ семилѣтнюю войну. Упоминаемъ мы здѣсь объ этомъ фактѣ также и для того, чтобы показать раз-

<sup>1)</sup> Главнымъ образомъ генерала Марбо. (Memoires du general baron de Marbot).

ницу между тогдашнимъ и теперешнимъ воздѣйствіемъ издали и его «личную разницу», о которой было говорено во второй части. Въ остальномъ мы не станемъ входить въ разборъ испанскихъ кампаній. Въ отсутствіе Императора тамъ оперировало нѣсколько армій, начальники коихъ между собою враждовали, ближайшіе помощники не слушались, мѣстность была чрезвычайно трудная, и путей сообщенія было недостаточно, и было столько нагрѣшено противъ всѣхъ законовъ веденія военныхъ дѣйствій, что эта измученная страна, куда Наполеонъ пошелъ въ преступномъ самовластіи, неминуемо должна была поставить дисциплину и организацію армій на порогъ гибели.

Бросимъ также взглядъ и на дисциплину, которую мы по необходимости должны принимать во вниманіе при оцѣнкѣ тактическихъ дѣйствій; при этомъ мы исходимъ опять изъ обстоятельствъ Ваграмскаго сраженія.

Разъ Наполеонъ предпочиталъ, поскольکو возможно, держать управленіе боемъ въ своихъ рукахъ (сравни часть 2, 4 А, сраженіе прежде и теперь) и, по Клаузевицу, болѣе полагался на опредѣленный методизмъ, чѣмъ на умъ и самодѣятельность своихъ частныхъ начальниковъ, то изъ этого вытекаетъ естественно, что онъ требовалъ безусловнаго и строгаго послушанія. Сколь поэтому ни благосклонными кажутся намъ его отношенія къ подчиненнымъ во многихъ случаяхъ, и сколь ни преувеличенно широкъ до мотовства онъ бывалъ въ денежныхъ наградахъ и знакахъ благоволенія къ нимъ, столь-же немилосердно сокрушалъ онъ всякое разномысліе, приближавшееся къ самостоятельности, даже если и слухъ о немъ доходилъ до него лишь черезъ третьихъ лицъ. На однихъ только подобныхъ основаніяхъ онъ въ дни Асперна и Ваграма безъ всякаго разслѣдованія, однимъ властнымъ словомъ прогналъ съ ихъ постовъ двухъ высшихъ военачальниковъ: на островѣ Лобау одного начальника дивизіи, а на Ваграмскомъ полѣ сраженія одного маршала (Бернадотта). Въ эти дни, дѣйствительно вызывающіе пытливый умъ на критику, они будто-бы провинились выраженіемъ въ товарищескомъ кругу мнѣній, расходящихся съ Наполеоновскими. Можно себѣ представить, теперь когда самъ мыслящій при операціи и къ тому-же опытный начальникъ столь высоко стоитъ въ цѣнѣ, куда привело-бы и во что-бы выродилось такое безграничное самовластіе, обыкновенно быстро находящее старательную под-

держку въ подобострастномъ шпионствѣ теперь. При такомъ восточномъ самовластіи вскорѣ должно разцвѣсть рабство, пугающееся всякой инициативы. Германская самодѣятельность, которая въ послѣднихъ войнахъ такъ возвеличила наше войско и водила его къ такимъ безсмертнымъ побѣдамъ, конечно, не избѣгла и наростовъ, которые иногда вліяли въ обратномъ направленіи или оказывались въ состояніи не признавать цѣлесообразности какого-нибудь высшаго мѣропріятія. Однако, изъ дѣятельнаго обмѣна мыслей во время боевыхъ операцій, или разсужденій о нихъ у бивачнаго огня, руководители армій до сихъ поръ, вообще, извлекали только большую пользу, и мы видимъ, что этимъ наиболѣе дѣйствительнымъ вспомогательнымъ для подъема нравственнаго духа въ арміи средствомъ пренебрегаютъ постоянно тогда, когда тактика падаетъ до уровня мертвой машины, какъ, на примѣръ, при Іенѣ.

Намъ не хватаетъ мѣста, чтобы по этому поводу дать здѣсь подробный разборъ о *самостоятельно мыслящемъ подчиненномъ*, но благосклонный читатель изъ уже сказаннаго, конечно, понялъ, о какомъ цѣнномъ качествѣ здѣсь идетъ дѣло. Въ предоставленной начальнику сферѣ власти не вмѣшиваться тиранически, не закупоривать клапановъ для самостоятельнаго мышленія— вотъ въ чемъ заключается трудное искусство въ этомъ родѣ дѣятельности, которая съ другой стороны основана на добродѣтели безусловнаго послушанія, и въ которой поэтому искусство это особенно цѣнно. Слишкомъ часто имъ по необдуманности пренебрегаютъ ббльшіе и мѣншіе властители и тѣмъ подрываютъ самостоятельность.

Это свойство бросаетъ густую тѣнь на обликъ Наполеоновскаго характера, какъ человѣка, полководца и знатока людей, ибо этимъ свойствомъ онъ подъ конецъ самъ выкопалъ себѣ могилу. О его отношеніяхъ къ Бернадотту можно быть различнаго мнѣнія, и Ваграмская катастрофа несомнѣнно имѣла болѣе глубокія основанія, но поводъ къ проявленію Императорскаго недовольства былъ избранъ особенно неудачно, ибо оно застало маршала *за* своимъ корпусомъ на своемъ мѣстѣ, гдѣ предусмотрительно—предупредительными мѣрами и новыми построеніями войскъ онъ старался возстановить утраченную твердость положенія. Сверхъ того, Наполеонъ набросилъ на этого опытнаго начальника тяжелую тѣнь недостатка рѣшимости, которую его образъ дѣйствій не заслуживалъ. Произнесенныя при этомъ слова особенно характерны, потому что обнаруживаютъ неограни-

ченнаго властителя, не признающаго надъ собою никакой третьейской власти. Онъ сказалъ: «Est-ce par cette «savante manoeuvre», que vous comptez reduire le Prince Charles a la necessité de mettre bas les armes?»<sup>1)</sup>

Неудачное тактическое положеніе явилось послѣдствіемъ исключительно сомнительной операціи самого Наполеона. Такъ-какъ ему донесли о критическихъ замѣчаніяхъ Бернадотта о ней, то онъ бросаетъ теперь упрекъ обратно на того, который съ такой энергіей и знаніемъ старался по мѣрѣ силъ и возможности исправить ошибки полководца.

Наполеоновскій способъ побуждать своихъ сотрудниковъ къ высшему старанію, посредствомъ чувства зависти, представляется, вообще, весьма рискованнымъ, и послѣдствія его отражаются въ концѣ концовъ на немъ же. Такъ онъ въ былое время поступилъ относительно Мюрата и Ланна, дабы поднять ихъ честолюбіе до крайнихъ предѣловъ, причемъ также былъ замѣшанъ и генераль Бессьеръ, принявшій сторону Мюрата. Во время Аспернскаго сраженія, это возникшее такимъ образомъ нерасположеніе между Бессьеромъ, за это время также между тѣмъ ставшаго маршаломъ, и Ланномъ, привело въ самую критическую минуту къ безобразнымъ проступкамъ, среди которыхъ оба старшихъ начальника схватились за свои шпаги. Старшій въ чинѣ послалъ безусловно подчиненному устное приказаніе: «Allez dire au Marechal Bessieres que je lui ordonne de charger a fondu»<sup>2)</sup>. Подчернутыя слова, которыя германскій начальникъ считалъ-бы просто неизбѣжными, даже въ отношеніи принца крови, пока этотъ ему подчиненъ, показались младшему начальнику не подходящими въ обращеніи между маршалами, т. е. онъ счелъ себя обиженнымъ. Слѣдовательно, такое вырожденіе дисциплины сказалось уже въ 1809 году, и въ данномъ случаѣ оно, ввиду присутствія въ лагерѣ всемогущаго Императора, не имѣло продолжительно вредныхъ послѣдствій, но только посредничество престарѣлаго Массены помѣшало поединку двухъ начальниковъ на глазахъ нижнихъ чиновъ.

Но такой фактъ объясняетъ, почему въ послѣдующихъ годахъ въ Испаніи каждый высшій начальникъ принципиально и открыто отказывается подчиняться старшему, и почему Массена, какъ гла-

<sup>1)</sup> Развѣ это вашъ «искусный маневръ», которымъ вы собираетесь принудить князя Карла сложить оружіе?»

<sup>2)</sup> Скажите Маршалу Бессьеру, что я приказываю ему атаковать досконально.

внокомандующій, былъ почти безсиленъ противъ Нея и Жюно. Такъ-какъ старѣющій Массена въ этихъ жалкихъ походахъ таскаетъ за собой также старѣющую даму своего сердца и тѣмъ еще болѣе лишается всякаго уваженія, то Ней рѣшаетъ вообще больше не слушаться. Онъ терпитъ пораженія діаметрально противоположныя поставленнымъ ему задачамъ. Наконецъ, но слишкомъ поздно, Главнокомандующій рѣшился прибѣгнуть къ Наполеоновскому средству и выслать почти бунтующаго маршала изъ арміи.

Подобныя отношенія раскрываютъ въ командованіи арміей гниль, которая должна была вскорѣ распространиться и на низшихъ чиновъ, проявляется въ Россіи между Удино и Сентъ-Сиромъ и вообще повсюду роковымъ образомъ отражается на общей тактикѣ арміи. Отъ этого произошло также, что молодые маршалы «не годятся въ подметки» старшимъ. Удино и Макдональдъ кажутся совершенно плохими рядомъ съ Массеной и Ожеро. Но послѣднихъ создалъ не Наполеонъ, они были уже опытные самостоятельные начальники, когда онъ появился на сценѣ. И такъ, онъ самъ не создалъ школы, образовалъ лишь самого себя, почему тамъ, гдѣ его самого не было, его дѣло падало и не удавалось. Это тоже признакъ его тактического образа дѣйствій, который теперь сталъ совершенно непригоднымъ. Нынѣшній требуетъ самостоятельно мыслящихъ и созрѣвшихъ въ правильно поставленной школѣ командованія генераловъ. Настало время, когда уже недостаточно одного болѣе или менѣе неосмысленнаго методизма, котораго подгонять на дѣйствіе и указывать способъ его постоянно вынуждена единая цезарская воля. Самъ Клаузевицъ уже не могъ не предвидѣть это время, и мы просили-бы не ошибаться въ признаніи того, откуда во французскую армію пришелъ тотъ недостатокъ инициативы у частныхъ начальниковъ, который въ 1870 г. далъ намъ надъ ними побѣду. Онъ опирался на примѣры прошлаго времени, центральный великій художникъ ко-его исчезъ. Самостоятельно мыслящая армія хорошо сдѣлаетъ если будетъ глубоко чтить этотъ опытъ военной исторіи; безъ него совершенно нельзя правильно судить объ обстоятельствахъ и потребностяхъ нынѣшняго времени и даже о случайныхъ ошибкахъ частныхъ начальниковъ. Онѣ неминуемо сопутствуютъ современному способу управленія войсками.

Бросимъ взглядъ вскользь и на дисциплину марша такъ-называемой «Великой Арміи». Передъ наступленіемъ великихъ со-

бытій императоръ имѣлъ обычай провѣрять численный составъ попадавшихся частей войскъ, дабы обеспечивать себѣ возможно большую силу на полѣ сраженія. При одномъ такомъ случаѣ одинъ адъютантъ, какъ онъ самъ рассказываетъ, рѣшился чисто изъ чувства товарищества, на смѣлый и опасный подлогъ передъ императоромъ. Дѣйствительно, въ данной войсковой части, безъ всякой причины недоставало во время провѣрки далеко больше половины численнаго состава. Она мародерствовала. При этомъ дѣло было вовсе не послѣ особенно утомительнаго перехода, да и часть была кавалерійскій полкъ. Случай этотъ относится къ такъ сказать классической, т. е. лучшей эпохѣ Наполеоновскихъ войнъ (передъ Аустерлицемъ) и даетъ намъ возможность узнать, какова была дисциплина марша арміи во всѣхъ слояхъ ея до самыхъ низшихъ включительно и какими средствами легче всего бываетъ обмануть именно такія чисто тираническія натуры. Настоящія же нравственныя силы арміи при этомъ только слишкомъ быстро изнашиваются.

Приведенное выше собраніе фактовъ изъ области тактики Наполеоновскаго управленія войсками въ бою покажется, пожалуй, мало упорядоченнымъ, да оно и не претендуетъ на сравненіе съ многими научными изслѣдованіями на эту тему. Факты эти поверхностны, но представляютъ за то безспорныя показанія очевидцевъ о боевыхъ средствахъ и орудіи боя арміи, считавшейся тогда съ полнымъ основаніемъ непобѣдимой. Намъ они кажутся цѣнными потому, что они болѣе не могутъ считаться достойными подражанія. Примѣръ маршаловъ, насколько онъ касается ума и знанія ихъ, не въ состояніи уже насъ ослѣплять и скорѣе можетъ послужить намъ лишь предупрежденіемъ. Картина, особенно въ конечныхъ чертахъ, представляетъ намъ все людей, которые все больше погружаются въ чисто одностороннюю рутину, постоянно нуждаются въ увѣренной рукѣ единого самодержца для побужденія ихъ къ цѣлесообразной дѣятельности въ бою и, благодаря расточительнымъ подаркамъ, обладаютъ большими богатствами. Последнее обстоятельство къ концу Имперіи приводитъ къ тому, что они войной утомлены. Вслѣдствіе тѣхъ же причинъ дисциплина падаетъ и во всей арміи и носитъ отпечатокъ разложенія еще задолго до дней паденія. Вотъ, въ какой мѣрѣ здѣсь играютъ роль нравственные элементы, безъ которыхъ армія никогда долго существовать не можетъ.

Среди военачальниковъ, которыхъ воспитало искусство Наполеона, находится только одинъ, умѣющій самостоятельно и успѣшно провести операціи и сраженіе — это Ланнъ, и при Аспернѣ армія въ его лицѣ лишилась своей самой мощной опоры. Массена, побѣдитель при Цюрихѣ, принадлежитъ и обязанъ своей славой школѣ до-Наполеоновскаго времени. Въ теченіе послѣдняго бывшій итальянскій контрабандистъ преждевременно состарился, собравъ большія богатства, потонулъ въ скупости и роскоши жизни и наконецъ, въ Испаніи, при содѣйствіи къ тому же своихъ бездарныхъ и непослушныхъ подчиненныхъ начальниковъ, совершенно осѣлся.

Что же касается тактики, которую императоръ вывелъ изъ всей своей системы веденія боя и которая справедливо возбудила удивленіе всего свѣта, благодаря которой онъ разрушилъ старыя государства, то можно кажется признать, что она въ основныхъ своихъ чертахъ устарѣла. Для доказательства этого попробуемъ изъ представленныхъ фактовъ вывести нѣсколько обобщающихъ выводовъ.

1) При современномъ вооруженіи рѣшающей успѣхъ въ бою лежитъ въ достиженіи перевѣса въ огнѣ. Холодное оружіе при этомъ играетъ лишь ограниченную вспомогательную роль. Поэтому пѣхота можетъ драться лишь въ разсыпномъ строю и не должна продолжительно подставлять себя не подавленному огню противника въ сомкнутыхъ построеніяхъ. Ровная мѣстность, какъ при Ваграмѣ и Сень-Прива, стала теперь сильнѣйшимъ фронтальнымъ препятствіемъ для наступательнаго боя.

2) Вслѣдствіе сего, кавалерія не можетъ оставаться въ такой же боевой связи съ сосѣдкой по оружію. Для этой цѣли она должна держаться отъ нея на большомъ разстояніи, пользоваться глубокими или скрытыми мѣстами, чтобы не упустить представляющихся среди огневого боя выгодныхъ мгновений, быть постоянно готовой къ преслѣдованію и прикрывать отступленіе.

3) Задачи артиллеріи, въ сравненіи съ Наполеоновскимъ временемъ, еще болѣе расширились. Она теперь еще болѣе, чѣмъ при Ваграмѣ, имѣетъ возможность тактически дать рѣшающей перевѣсъ въ огнѣ, дать возможность пѣхотѣ пройти черезъ открытыя пространства для штурма и переносить всѣ силы своего дѣйствія на тѣ точки, гдѣ должно пасть рѣшеніе. Для этого организація и способъ употребленія ея должны быть таковы, чтобы она находилась всегда свободной и готовой къ дѣйствію въ рукѣ полководца.

4) Дальнобойное, точно бьющее оружіе арміи принуждаетъ разворачиваться къ бою сначала изъ колоннъ, сильно возросшихъ въ глубинѣ, вдали отъ непріятельскаго фронта. Для большихъ дѣйствій это придется производить на разстояніи отъ 7 до 10 километровъ, и отдыхающіе корпуса или дивизіи, которые пока не хотятъ, или собираются лишь на другой день вести бой съ необходимой самостоятельностью, должны держаться по крайней мѣрѣ такъ же далеко, иначе они будутъ уже вынуждены подчинять свою волю волѣ противника. Съ тѣмъ вмѣстѣ, личная рекогносцировка поля сраженія и непріятельской позиціи, какъ это особенно любилъ производить съ линіи аванпостовъ Наполеонъ, становится невозможной. Приходится отдавать распоряженія согласно общему положенію дѣлъ, глядя на карту. Такимъ образомъ, полководецъ не господствуетъ уже больше надъ частностями развертыванія, какъ въ Наполеоновскомъ сраженіи; кромѣ того, на такомъ разстояніи арміи приходится все еще пребывать въ большемъ раздѣленіи частей, дабы она не была сама прикована къ одному какому-нибудь тактическому дѣйствію, въ зависимости отъ одновременныхъ дѣйствій противника. А съ этимъ уже создается—

5) болѣе широкое, скажемъ: оперативное протяженіе фронта арміи, изъ котораго нынѣ приходится непосредственно идти въ бой. Это вызывается еще и иными соображеніями. Преувеличенное скопленіе массъ въ центрѣ боевого расположенія никогда уже не можетъ больше повести къ успѣху; центральныхъ положеній надо намъ бояться больше всего, потому что они подвержены такому дѣйствію огня, о которомъ въ Наполеоновское время не имѣли никакого представленія. Разыгрывать рѣшающее боевое дѣйствіе придется вообще одному изъ фланговъ, и примѣръ Ваграма такъ поучителенъ именно потому, что въ этомъ сраженіи въ первый разъ сознательно и до извѣстной степени фактически успѣшно былъ найденъ правильный путь къ изобрѣтенію дѣйствительнаго средства противъ Наполеоновскаго способа веденія боя. Въ Ваграмѣ уже покоятся зачатки Трахенбергскаго плана операцій, который поставилъ предѣлъ императорской операціонной непогрѣшимости.

Мысль эта, правда, уже образуетъ какъ бы связующее звено между тактикой и стратегіей, она опаснымъ образомъ удаляется отъ боевыхъ дѣйствій, но необходима для опредѣленія переменъ въ боевыхъ мѣропріятіяхъ.

6) Въ настоящее время ходъ боя опредѣляется дѣйствіями фланговъ. При дальнобойности оружія и глубинѣ поражаемыхъ имъ пространствъ они стали несравненно значительнѣе и губительнѣе, между тѣмъ какъ центръ, даже при меньшей численности бойцовъ, но при наличности соотвѣтственнаго количества патроновъ, въ значительной степени выигралъ въ естественной силѣ сопротивленія<sup>1)</sup>. Поэтому фланги также должны быть сильными и стать или двигаться еще настолько тактически свободно легко, чтобы быть въ состояніи, въ случаѣ надобности, перемѣнить фронтъ или же избрать направленіе для наступленія, или отразить охватъ. Резервный корпусъ въ разстояніи до небольшого перехода въ боковомъ направленіи<sup>2)</sup>, все еще сохраняетъ возможность оказать дѣйствительное дѣйствіе на полѣ сраженія.

Вслѣдствіе сего необходимо, чтобы всѣ силы могли пребывать въ раздѣльномъ состояніи до начала самого боя, что мы со стратегической точки зрѣнія и разобрали въ части второй. Это же условіе дастъ оставить свободнымъ еще и пространство для цѣлесообразнаго распредѣленія кавалерійскихъ отрядовъ и для расположенія въ основѣ боя превосходныхъ артилерійскихъ массъ противъ пунктовъ, намѣченныхъ для главнѣйшаго рѣшенія оружіемъ.

7) При томъ само собой оказывается непригоднымъ предварительное расположеніе войскъ для боя, какъ это видимо особенно любилъ дѣлать Наполеонъ, напр. при Аустерлицѣ, Эйлау, даже при Фридландѣ и, наконецъ, еще при Лейпцигѣ и Ватерлоо, дабы, исходя изъ него, лично направлять подробности хода боя въ зависимости отъ особенностей мѣстности и непріятельскаго фронта. Одного «бога войны» впредь, очевидно, уже мало. Требуются нѣсколько таковыхъ, взаимно другъ друга дополняющихъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Въ войнахъ будущаго, независимо отъ достоинства самихъ войскъ, которое очевидно трудно учесть въ предварительныхъ теоретическихъ разсужденіяхъ, верхъ будетъ одерживать тотъ, кто въ отношеніи умственнаго развитія и умѣнія руководить войсками будетъ располагать болѣе многочисленными и лучшими по качеству силами. Это намъ уже сказалъ самъ Клаузевицъ, который такъ высоко еще ставилъ обезпеченіе методизма въ арміи. Предъявляемая отдѣльнымъ членамъ войскового организма въ цѣлесообразной самодѣятельности требованія постоянно возрастаютъ.

<sup>1)</sup> Война съ Японіей сугубо, кажется, подтверждаетъ истинность этихъ двухъ положеній автора.

<sup>2)</sup> Уступномъ.



8) Никакая своевременно составленная диспозиція для сраженія не можетъ болѣе обезпечить взаимодѣйствія всѣхъ частей арміи на полѣ сраженія, особенно если и противникъ до конца будетъ продолжать дѣйствовать стратегически. Составленіе диспозиціи перестаетъ быть дѣломъ старшаго начальника. Мѣсто ея занимаютъ стратегическія распоряженія, которыя могутъ обезпечить взаимодѣйствіе частей на мѣстѣ боя, протяженіе котораго возросло. Остальное стало дѣломъ частныхъ начальниковъ въ смыслѣ тактическаго образа дѣйствій. Тѣмъ увѣреннѣе должно быть ихъ руководство. Подробности будутъ разобраны въ дальнѣйшемъ изложеніи этого очерка, ибо врядь-ли можно отрицать, что именно въ этой области чаще всего встрѣчаются ошибки. Такимъ образомъ, создается обстановка, благодаря которой слагается столь часто попадающійся въ новѣйшихъ войнахъ встрѣчный бой.

9) Если-бы противникъ, наоборотъ, придерживался привычекъ Наполеонскаго командованія, прибѣгъ къ сосредоченію всѣхъ силъ на одномъ фронтѣ до начала боя, то онъ оказался-бы въ невыгодѣ относительно продолжающаго дѣйствовать стратегически противника. Годное для использования преимущество во времени можетъ иногда быть и незначительнымъ, какъ для союзниковъ при Фридландѣ, но, безпрепятственно продолжающая преслѣдовать свою намѣченную цѣль, операція всегда обезпечитъ себѣ противъ него преимущество. Когда противникъ остается въ такомъ положеніи въ теченіе цѣлыхъ дней, то операція встрѣчается съ уже выстроеннымъ фронтомъ арміи на избранной и болѣе или менѣе подготовленной позиціи. Такое взаимоотношеніе вызываетъ необходимость своевременной пріостановки отдѣльныхъ походныхъ колоннъ. Разстояніе, на которомъ это должно произойти, мы уже опредѣлили; полъ-перехода является наиболѣе правильнымъ масштабомъ для него. Затѣмъ надо планомѣрно выбрать тотъ фронтъ и на немъ тотъ пунктъ, на который надлежитъ направить свои боевыя дѣйствія.

Мы стараемся пока выяснитъ только, почему пѣхотный уставъ строевой службы, при установленіи новыхъ тактическихъ основаній, особенно выдѣлилъ принципиальную разницу между обоими родами дѣйствія. Въ будущей главѣ о видахъ веденія боя мы ближе постараемся вникнуть въ суть ея.

10) Изъ всего этого слѣдуетъ, что единство боевого фронта, сплошное въ немъ чувство «локоть къ локтю», какъ говорилось встарь, должно оцѣниваться совершенно иначе. Промежутки въ

немъ, вообще, легче будетъ заполнить дѣйствіемъ дальнобойныхъ снарядовъ, чѣмъ сближеніемъ частей въ пространствѣ, если только дѣйствительное единство дѣйствій противъ одной цѣли остается не нарушеннымъ. Уже въ нашихъ мирныхъ упражненіяхъ мы имѣемъ полное основаніе обратить особое вниманіе на эту важную точку зрѣнія. Такой опытъ можно было вывести уже изъ сраженій при Маджентѣ и Сольферино и, даже при Ваграмѣ, образъ дѣйствій великаго Эрцгерцога довольно значительно на это намекаетъ. Поучительнѣйшій и яснѣйшій-же примѣръ даютъ намъ наши собственные бои при Кениггрецѣ, Сень-Прива или Седанѣ. Даже если-бы въ германскомъ фронтѣ передъ Монтиньи-ля-Гранжъ и Аманвиллье произошелъ разрывъ, и за счетъ его лѣвое крыло къ сторонѣ Сень-Айля и Ронкура получило приростъ силъ, то все-же даже сама мысль о возможности прорыва противника въ центрѣ совершенно не состоятельна. Этимъ намекомъ на разницу съ стариннымъ ученіемъ наше изученіе и должно здѣсь ограничиться.

11) Наибольшаго тактическаго успѣха можно ожидать тогда, когда удастся подвести бойцовъ къ полю сраженія одновременно съ нѣсколькихъ сторонъ, къ разнымъ фронтамъ. Для тактики тогда сдѣлано все наилучшее; наоборотъ, охваты, предпринимаемые изъ уже сосредоточеннаго боевого фронта, только въ исключительныхъ случаяхъ могутъ привести къ желанной цѣли.

12) Если-же мы себя спросимъ, почему, несмотря на всѣ перемѣны въ вооруженіи и размѣрахъ армій, до нашихъ большихъ войнъ именно въ области тактики наиболѣе крѣпко придерживались Наполеоновскихъ образцовъ, то это явленіе объясняется съ одной стороны силою впечатлѣній ближайшаго прошлаго, съ другой отсутствіемъ до нашихъ новѣйшихъ военныхъ дѣйствій, т. е. войнъ 1866 и 1870—71 гг. всякаго практическаго опыта въ дѣйствіи употребленія вновь изобрѣтеннаго оружія.

Чѣмъ величавѣе были успѣхи Наполеона, тѣмъ они сильнѣе должны были господствовать надъ воззрѣніями послѣдовавшаго затѣмъ мирнаго времени и въ долгомъ его теченіи найти выраженіе въ постоянныхъ упражненіяхъ, причемъ, въ концѣ концовъ, они оказались окруженными своего рода ореоломъ святости. Крылатое слово о концентричномъ сосредоточеніи всѣхъ силъ для обезпеченія успѣха посредствомъ наступательнаго удара все болѣе пріобрѣтало права гражданства, и никому не приходило въ голову что Дрейзе своимъ изобрѣтеніемъ ружья, заряжающагося съ казны,

сдѣлалъ открытіе, которое вошло съ тактикой великаго героя войны въ самое обостренное соревнованіе и наконецъ совершенно опрокинуло все его ученіе. Уже во введеніи къ настоящему труду (Часть I) мы пытались описать, насколько важность этого изобрѣтенія осталась необъясненной для развитія военнаго искусства въ мирное время и какъ отъ временнаго недоумѣнія отдѣлались просто быстро найденнымъ крылатымъ словомъ: «новое оружіе—старая тактика». По прежнему продолжались ученія въ формахъ, которыя несомнѣнно были еще свободны даже и отъ Фридриховскаго вліянія, умственное упорство, сила привычки,—скажемъ прямо извѣстная лѣнь мышленія, значительно способствовали отклоненію всякихъ возраженій и довольству продолженіемъ того, что уже дѣлали отцы и что, по одному этому, уже казалось святыней. Опытъ показалъ, что и этотъ путь всетаки имѣетъ немало хорошаго, и что время для основательнаго измѣненія военныхъ уставовъ наступаетъ только тогда, когда цѣли новыхъ законовъ стали совершенно ясными и опредѣленными.

Вѣдь и сейчасъ длится споръ о томъ, что изъ тактики освободительныхъ войнъ и Наполеоновскаго времени еще остается годнымъ, и занимаетъ наши дни, несмотря на собственные и великіе опыты. Все еще видимъ мы на маневрахъ преждевременные удары сомкнутыхъ строевъ, мило перемежающіеся съ огневыми дѣйствіями стрѣлковыхъ цѣпей, совершенно какъ при Катръ-Бра или Линьи, и въ тѣсной связи съ этими дѣйствіями, по временамъ, атаки небольшихъ кавалерійскихъ частей. Многія души даже радуются такимъ картинкамъ, которыя доказываютъ, почему тактика остается самой консервативной изъ наукъ и труднѣе другихъ рѣшается на коренныя перемѣны. Такъ это останется и въ будущемъ; но тѣмъ важнѣе, чтобы теоретическое ученіе указало, какія новыя приобрѣтенія надлежитъ собрать въ житницы, какой устарѣвшій баластъ долженъ быть выброшенъ, дабы не молотить пустой соломой и какіе всходы посѣянное сѣмя сулитъ въ будущемъ.

Въ заключеніе этой главы замѣтимъ, поэтому, что мы въ ней старались показать, насколько тактика Наполеона стала для нынѣшняго времени еще болѣе непригодной, чѣмъ его стратегія, и что въ дальнѣйшемъ мы должны будемъ постараться положить для *цѣлей боя*, какъ и для *видовъ веденія боя* основанія, удовлетворяющія современнымъ требованіямъ.